

© 1995 г.

А.А. ЗИНОВЬЕВ

ГИБЕЛЬ «ИМПЕРИИ ЗЛА» (ОЧЕРК РОССИЙСКОЙ ТРАГЕДИИ)*

Август—1991

В Москве 19—21 августа 1991 г. была предпринята попытка государственного переворота. Когда она началась, западные средства массовой информации немедленно окрестили его как путч. Слово «путч» в сознании западных людей вызывает вполне определенную картину, кучка заговорщиков, используя вооруженные силы, устраняет законное правительство и захватывает власть в свои руки. В данном случае ничего подобного на самом деле не было. Было нечто иное, что не укладывается в рамки привычных пропагандистских и журналистских штампов. Слово «путч» было пущено в оборот не приверженцами беспристрастной истины, а участниками одной из политических сил, кровно заинтересованных в дискредитации тех, кто рискнул пойти на переворот.

Рассмотрим сначала чисто внешний аспект события. Кто были лица, образовавшие Государственный Комитет по Чрезвычайному Положению в СССР, сокращено — ГКЧП? Вице-президент СССР Г. Янаев, премьер-министр СССР В. Павлов, председатель КГБ СССР В. Крючков, министр внутренних дел Б. Пуго, министр обороны Д. Язов, первый заместитель председателя Совета обороны СССР О. Бакланов, председатель Крестьянского Союза СССР В. Стародубцев и президент Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи СССР А. Тизяков. Так что «путчисты» были люди, занимавшие высокие посты в центральной власти СССР. Запомните это: центральной власти!

Согласно указу вице-президента Янаева, он, Янаев, вступил в исполнение обязанностей президента СССР в связи с тем, что Горбачев по состоянию здоровья не мог исполнять обязанности президента. Янаев сделал это на основании статьи 127.7 Конституции СССР. Члены ГКЧП заявили, что над страной нависла смертельная опасность, что перестройка зашла в тупик, и необходимы чрезвычайные меры по выводу государства и общества из кризиса.

Членов ГКЧП обвинили в том, что их действия якобы были неконституционными. Так ли это на самом деле? Я утверждаю, что сам подход к событию с юридическими мерками лишен смысла. Если бы переворот удался, то нашлось бы более чем достаточно оснований, чтобы признать его конституционным, и нашлось бы достаточное число экспертов, которые привели бы убедительные аргументы в пользу этого. Но переворот сорвался, и доминирующие в стране и в мире силы оценили его как неконституционный, найдя для этого подходящие (с точки зрения обмана общественного мнения) аргументы. Но, повторяю, как то, так и другое бессмысленно именно юридически. Если встать на позицию оценки событий как конституционных или неконституционных, то с полным основанием вообще все действия горбачевской команды можно оценить как неконституционные. Я уж не говорю о действиях администрации Ельцина, неконституционный характер которых признавали и его

* *Продолжение.* Начало см. в №№ 11, 11, 1994; 1, 1995.

соратники. Вообще вся эпоха, начавшаяся в 1985 г., означала полное игнорирование всякой законности и превращение в некую законность того, что делалось по произволу правящих сил.

Если смотреть на событие как на нечто серьезное, а не как на имитацию переворота и заранее спланированную провокацию, то поведение «путчистов» выглядит как серия непростительных ошибок. Никто, кроме Горбачева, не был отстранен от власти. Как выяснилось впоследствии, Горбачев был свободен и мог общаться с внешним миром. Он был заранее в курсе того, что должно было произойти, и как политический прохвост собирался так или иначе извлечь для себя пользу из любого исхода попытки переворота.

Никто не был арестован. «Путчисты» — не младенцы, они должны были понимать, на что шли. Если их намерения были действительно серьезны, они первым делом должны были бы арестовать всех активных «демократов», и в первую очередь — Ельцина. Они должны были понимать, что в стране фактически шла война на разгром всего советского, и действовать методами, адекватными этой реальности. Но они этого испугались. Они даже не решились признать истину во всей ее беспощадности. Они сами принадлежали к реформаторам, сами были повинны в том состоянии, до которого довели страну. Желание выйти из переворота чистенькими, боязнь решительных действий, боязнь осуждения со стороны Запада имели следствием то, что «путчисты» не выполнили основное условие переворота — отстранение от активной деятельности своих противников и изоляцию их. Это стало главной причиной срыва переворота.

Янаев заявил, что советское руководство и дальше будет следовать курсом, который в 1985 г. определило горбачевское руководство. Это была вторая непростительная ошибка «путчистов». Надо было категорически осудить горбачевский курс. Как стратегически ошибочный, губительный для страны и фактически преступный, Предательский. От них это ждали миллионы людей, которые их поддерживали бы. Приученное к покорности по отношению к распоряжениям высших властей население сочло бы это новой установкой и в течение кратчайшего времени встало бы на путь восстановления доперестроечного образа жизни. Но «путчисты» не решились на такой шаг, а их противники все равно приписали им намерения реставрировать «сталинистский» режим и расправиться с «демократией».

По решению ГКЧП в переворот пытались вовлечь вооруженные силы. В советской истории уже был такой случай, когда в 1953 г. убрали Берия. Тогда в Москву были введены части тех же элитарных дивизий, которые теперь, почти сорок лет спустя, вошли в Москву по приказу ГКЧП. Члены ГКЧП, отдавая приказ о введении их в Москву, паразитическим образом не учли тех перемен, которые произошли в стране за годы перестройки. Хотели они того или нет, они сыграли на руку тем, против кого намеревались бороться. Они фактически сыграли роль провокаторов. Если их и стоило судить, то прежде всего за некомпетентность и нерешительность. Распорядившись вооруженными силами таким образом, они в огромной степени усилили деморализацию армии, сделав первый шаг в превращении ее в силу подавления своего собственного народа.

Радикальные силы («демократы») во главе с Ельциным умело использовали конституционную демагогию, в рамках которой еще держались члены ГКЧП, и захватили роль защитников конституционного порядка и демократии, что усилило симпатии к ним мирового общественного мнения. Они с паразитической быстротой мобилизовали ту часть населения, которая поддерживала их.

Большинство населения страны, втайне сочувствовавшее «путчистам» и надеявшееся, что кошмар перестройки наконец-то кончится, осталось пассивным. К тому же оно, одураченное пропагандой реформаторов и радикалов в течение предыдущих шести лет, впало в состояние полной растерянности. Оно было просто неспособно судить о том, на чьей стороне правда с точки зрения их же интересов. Это молчаливое большинство всегда было пассивной массой, покорно выполнявшей распоряжения

начальства или столь же равнодушно игнорировавшей их. Продержись ГКЧП хотя бы пару недель, население восприняло бы переворот как нечто само собой разумеющееся. Оно решило бы, что установка свыше переменялась, и теперь надо жить так же, как жили раньше. И подавляющее большинство прохвостов и перевертышей поспешно приспособилось бы к новым условиям, стало бы усердно чернить все то, что было в перестроечные годы, и служить новым установкам высшей власти. Организаторы этой грандиозной провокации прекрасно понимали это и потому действовали с поразительной быстротой и оперативностью.

Одной из важнейших причин провала «путча» явилась позиция, которую заняли центристы и руководство КПСС. Переворот поддержали организации и группы, не имевшие влияния в обществе (например, Совет ветеранов труда и ветеранов войны). «Путчисты» рассчитывали на поддержку центристов. Они сами принадлежали к ним и пытались выступить именно в этой роли. Но неумолимая логика политической борьбы приписала им роль совсем другую — роль консерваторов, стремившихся восстановить доперестроечный образ жизни. И они, если они имели хотя бы крупицу ума, должны были принимать это в расчет заранее. Они этого не сделали.

Поразительным также является то, что руководство КПСС фактически не поддержало переворот, хотя это был последний шанс спасти партию, еще в какой-то мере способную мобилизовать население страны на борьбу против надвигавшейся, катастрофы. С этой точки зрения аппарат КПСС заслуживает еще большего презрения, чем радикалы, открыто стремившиеся разрушить советскую систему государственности и социальный строй страны. Руководство КПСС может служить образцовым примером тому, какую гнусную породу людей культивировал коммунизм. Если бы руководство КПСС выступило с призывом к членам партии поддержать ГКЧП и покончить с преступной политикой перестройки, на улицы Москвы вышло бы народу в десятки раз больше, чем число приверженцев Ельцина. Но вожди КПСС всех уровней, дрожа за свою шкуру, не сделали этого, подписав тем самым приговор своей партии и вообще всей системе государственности.

Провал попытки переворота был не победой некоей демократии над некими силами реакции, как это изобразила западная пропаганда, а очередной победой Запада в «теплой войне» против советского народа, которую Запад вел под лозунгами и под предлогом борьбы против коммунизма

Я выше брал слово «путч» в применении к попытке переворота со стороны ГКЧП в кавычки, ибо это не был настоящий путч. Настоящий путч в это время действительно произошел, причем он был весьма успешным. И совершили его радикалы (демократы) во главе с Ельциным

Конец двоевластия

С рассмотренным выше аспектом борьбы переплелся другой, а именно -г- борьба между центральной властью (властью СССР), возглавлявшейся Горбачевым, и республиканской властью Российской Федерации, возглавлявшейся Ельциным. Логика политической борьбы после поражения консерваторов вела к поляризации в самом лагере реформаторов. Центристы по самому своему положению в системе власти должны были принимать какие-то меры для сохранения целостности страны и общественного порядка. Тем самым они все более вынуждались на то, к чему призывали консерваторы. Радикалы же нисколько не заботились об исполнении позитивных функций власти, по самой их сути ставших непопулярными в широких слоях населения. Они подхватили лозунги перестройки и развили активную деятельность по разрушению всех основ советского общества. Тем самым они приобрели огромную популярность в массах, не отдававших себе отчета в реальной направленности демагогии и дел радикалов.

Сложилось своеобразное двоевластие. Республиканская власть не подчинялась центральной, саботируя ее распоряжения и всячески дискредитируя ее. Такое поло-

жение не могло длиться вечно. Если бы не было попытки переворота, Горбачеву самому пришлось бы предпринять нечто подобное, чтобы удержаться у власти. Теперь уже с достаточной степенью уверенности можно утверждать, что он сам так или иначе был замешан в провоцировании фарса переворота. Он лишь хотел выгадать при любом исходе его. Он привык делать грязную работу чужими руками, рассчитывая сохранить ореол политической непорочности. Но на сей раз ему не удалось. Он уже выполнил свою подлую историческую роль и превратился в отработанный материал. Так что западные хозяева могли выбросить его на помойку истории, что и произошло вскоре.

Провал попытки переворота означал поражение центральной власти, склонной к умеренной перестройке, и победу республиканской власти, рвавшейся к коренной ломке всего советского. Двоевластие закончилось. Монополию на дальнейшее разрушение страны захватили радикалы. И чтобы окончательно сбросить горбачевцев с политической арены, они пошли на развал Советского Союза, игнорируя тот факт, что проведенный незадолго до этого референдум высказался за сохранение Союза. Это произошло и под дикие восторженные вопли на Западе, семь десятков лет мечтавшем о развале «Советской империи».

Главное препятствие на пути реформ

Горбачевская клика не сумела до конца сломать коммунистический социальный строй в стране. Была разрушена центральная власть и заменена президентской властью, которая имела формально диктаторские полномочия, но фактически уже не могла управлять страной. На местах в той или иной форме сохранилась прежняя власть, Советы и различные административно-бюрократические учреждения. Еще сохранялась КПСС, хотя и лишённая прежнего статуса и распадающаяся на глазах. Хотя был нанесен ущерб социальной организации населения в первичные коллективы и системе управления ими, тем не менее эта организация еще сохранялась в стране, несмотря на усиленную приватизацию. После провала попытки государственного переворота в августе 1991 г. и узурпации власти настоящими путчистами во главе с Ельциным все препятствия для политики реформ, казалось, отпали. Но скоро обнаружилось с полной очевидностью, что главным препятствием на пути реализации замыслов реформаторов является сам Запад как в качестве образца для подражания, так и в качестве конкретного фактора мировой истории.

Советские реформаторы решили перестраивать советское общество по западным образцам. При этом они игнорировали тот факт, что западные образцы не являются универсальным благом для всего человечества. Эти образцы дали хорошие результаты только для небольшой части человечества, а именно — лишь для народов западных стран. Для подавляющего большинства народов планеты они были и остаются чужеродными. Не являются на этот счет исключением и народы Советского Союза.

В Советском Союзе были десятки всякого рода учреждений и организаций, специально изучавших западные страны. Многие тысячи агентов секретных служб, журналистов и дипломатов по идее занимались тем же. Уму непостижимо, почему они не заметили того, что реальное западное общество отличается от его идеологически-пропагандистского изображения ничуть не меньше, чем реальное коммунистическое общество от его изображения в советской идеологии и пропаганде?! Кто знает, если бы эти люди добросовестно изучили западное общество и постарались бы убедить правящие круги в том, что народы Советского Союза никогда и ни при каких обстоятельствах не превратятся в народы западные и не создадут у себя цивилизацию западного типа, то советское общество смогло бы преодолеть кризисное состояние с минимальными потерями и избежало бы катастрофы.

В самом начале перестройки бесчисленные советские «мыслители», энтузиасты перестройки, разъехались по западным странам. Хотя все они сделали карьеру в советских учреждениях, были членами КПСС и даже работниками партийного аппарата, они поносили все советское, говорили о крахе коммунизма, восторгались

всем западным и видели «светлое будущее человечества» уже в капитализме. За это они хорошо оплачивались и имели паблисити. Мне не раз приходилось комментировать их выступления и участвовать в соответствующих дискуссиях. Вспоминаю характерную ситуацию такого рода. Один советский профессор, специалист по западным странам, заявил в Швейцарии, что и в России без «проклятого коммунизма» можно было бы жить, как в Швейцарии. Я сказал, что для этого нужно несколько «пустяковых» условий. Сократить население России до десяти миллионов. Прожить лет четыреста без войн. Устроить климатические и природные условия, как в Швейцарии. Открыть на каждой улице в каждом городе десятки международных банков. Предложить мировым богачам держать в них свои миллиарды и т.д. А еще лучше устроить жизнь в России, как в Монако. Никаких налогов. Открыть на каждом углу казино. Богачи со всего мира устремятся к нам, проиграют свои миллиарды, и мы за их счет вознесемся на уровень самых богатых стран мира.

Мои слова сочли за шутку, недостойную внимания. А между тем в них было ничего шуточного. Я просто призывал советских людей, потерявших разум от обещаний реформаторов, трезво оценить возможности превращения России в нечто западообразное. А для этого познакомиться с тем, что из себя представляет Запад на самом деле и как он достиг нынешнего состояния. Все мои попытки сделать что-то в этом направлении либо активно бойкотировались, либо подвергались осмеянию. Российский народ не хотел и до сих пор не хочет знать не только правду о себе самом, но и о жизни тех народов, зависть к которым отравила его существование навечно. Боже, что за народ, что за страна!

Западнизм

Принято считать социальный строй западных стран капиталистическим с экономической точки зрения и демократическим с политической точки зрения. Я утверждаю, что слова «капитализм» и «демократия» являются типичными идеологическими выражениями, они многосмысленны и не характеризуют современное состояние западного общества достаточно адекватно. Я называю социальный строй западных стран западнизмом, не вкладывая в это слово никакого априорного смысла.

Западнизм содержит в себе элементы капитализма и демократии. Но это нечто большее, чем капитализм и демократия. Если в какой-то стране возникли явления капитализма и демократии западного образца, это еще не означает, будто эта страна стала страной западного типа. Для такого превращения требуется еще многое другое.

Западнизм есть не сумма не связанных друг с другом признаков, а единое целое, в котором скоординированы бесчисленные элементы, причем скоординированы не кратковременными и одноактными распоряжениями властей, а естественно-историческим путем, как результат жизненного опыта миллионов людей во множестве поколений. Нельзя какие-то его отдельные черты вырвать из их связи со всеми прочими и перенести в другую социальную среду, не умертвив их или не изуродовав. Нельзя отдельные его черты усвоить в другом типе общества, не усвоив другие, причем на это нужно историческое время. И такое заимствование возможно только в отношении второстепенных черт, а не фундаментальных.

Рассмотрю кратко некоторые черты западнизма, важные с точки зрения темы этого очерка.

Денежный тоталитаризм

Современное западное общество есть общество денежного тоталитаризма. Деньги тут стали универсальным и всеобъемлющим средством измерения, учета и расчета деятельности людей, учреждений и предприятий, средством управления экономикой и другими сферами общественной жизни, средством управления людьми. Нет необходимости доказывать то, каких космических величин достигает объем денежных операций в современном многомиллионном западном обществе.

Естественно, сложился и механизм, осуществляющий и охраняющий этот денежный тоталитаризм. Он достиг огромных размеров и стал одной из важнейших опор западного общества. Его образует гигантская финансовая система, которая теперь обусловлена прежде всего необъятным числом денежных операций, охватывающих все аспекты жизни людей и общества в целом. Этот механизм есть механизм особого подразделения делового аспекта общества — денежного дела. Но в силу особой роли этого дела он превратился в механизм функционирования общества как целого.

Денежный механизм включает в себя два рода учреждений и предприятий: 1) банки и другие финансовые предприятия, которые называются другими словами, но выполняют ту же роль или разделяют с банками отдельные функции денежного дела (сберегательные кассы, страховые компании, кредитные учреждения и т.п.), а также крупные фирмы и концерны, обладающие большими суммами денег и выполняющие отдельные функции, аналогичные отдельным функциям банков; 2) государственные финансовые учреждения.

Число денежных предприятий огромно. Имеет место сложнейшее разделение их функций (специализация), а также разделение ими территорий действия и сфер общества. Сами они имеют сложную структуру — иерархию подразделений, начинающуюся центральным отделением и доходящую до местных отделений, непосредственно имеющих дело с клиентами. В их деятельности заняты миллионы людей. Используется самая современная технология, без которой денежный механизм уже немислимы вообще.

Денежный механизм есть гигантский капитал, овладевший всем обществом. Но он почти полностью укомплектован наемными работниками, каждый из которых по отдельности есть лишь его слуга. Внутри его господствуют отношения начальствования и подчинения, сговоры, согласования, принуждение и прочие явления, не имеющие ничего общего с отношениями чисто экономическими. Он антидемократичен. В каждом его подразделении господствует беспощадная, роботообразная дисциплина. Он деспотичен по отношению к прочему обществу. Никакая диктаторская власть в мире не может сравниться с ним в этом качестве.

Чтобы такой денежный механизм сложился, нужна богатая и всесторонне развитая экономическая система с отработанным механизмом самоорганизации, сильное государство, педантично выполняющее финансовые функции, устойчивая валюта и многое другое, чего нет и не предвидится в России. Самое большое, что тут возможно, — ублюдочные, воровские и грабительские подобию банков и полное подчинение финансовой системы денежному механизму Запада, Международному Валютному Фонду в первую очередь.

Эволюция капитализма

Капитализм не есть нечто раз и навсегда данное. В его истории различают два периода — периоды «старого» и «нового» капитализма. Я их различие вижу в следующем.

«Старый» капитализм был по преимуществу множеством индивидуальных капиталов, вкрапленных в общество, некапиталистическое по общему типу. Хотя капиталисты хозяйничали в обществе, последнее еще не было капиталистическим в строгом смысле слова. Степень вовлеченности населения в денежные отношения по законам капитала еще не была всеобъемлющей. Лишь в XX веке западное общество стало превращаться в тотально капиталистическое. После второй мировой войны отчетливо обнаружилась тенденция к превращению больших территориальных единиц и целых стран в социальные объединения, функционирующие по законам огромных денежных систем и огромных капиталов. Дело тут не в концентрации капиталов, хотя и это сыграло свою роль, а в организации жизни большинства населения таким образом, будто оно стало средством функционирования одного капитала. Новое качество в развитии капитализма возникло по линии вовлечения

масс населения в денежные операции по законам капитала, увеличения множества таких операций и усиления их роли в жизни людей. Этот процесс был связан с усилением роли государственной власти в денежных операциях, с разрастанием денежного законодательства и усилением его роли, с упорядочиванием и регламентированием отношений между работодателями и наемными лицами, со структурированием предпринимательства, с ограничением конкуренции и свободы ценообразования, короче говоря — с социальной организацией и регулированием всей системы жизни общества по законам функционирования денег в качестве капитала.

Превращение «старого» капитализма в «новый» происходило по многим линиям. Назову для примера такую из них. Превращение банковской системы в денежный тоталитаризм привело к тому, что подавляющее большинство членов общества, имеющих какие-то источники дохода, оказалось соучастниками деятельности банков как капиталистов, предоставляя в их распоряжение свои деньги, т.е. осуществляя основную часть денежных дел через банки. К этому присоединился рост акционерных предприятий и банков. В Западной Германии в 1991 г. было 10 миллионов акционеров. В США уже в 1970 г. 80% населения были соучастниками коллективного капитала.

Сделав всех людей, получающих или имеющих какие-то деньги, в той или иной мере частичными капиталистами, не говоря уж об акционерах, западное общество стало почти абсолютно капиталистическим. Капитализм стал тотальным.

Одновременно тот же процесс сделал социологически бессмысленными понятия «капиталист» и «капитализм». С ними уже нельзя описать адекватно специфику и сущность западного общества. Мелкий акционер, предприниматель, имеющий кредит в банке и ведущий дела через банк, пенсионер, рентнер, владелец большого капитала, президент банка, менеджер с огромным окладом, — все это суть люди различных социальных категорий.

Советские реформаторы, намереваясь превратить советское общество в капиталистическое в считанные дни, совершенно не принимали во внимание этот факт изменения капитализма. Они представляли последний в допотопной форме капитализма XIX века, да еще в допотопной форме марксистского его описания. Если для допотопного капитализма они смогли изготовить довольно большое число уголовников-капиталистов, то для современного капитализма требовались уже не уголовники, а многое такое, чего в России не было и в помине и что не может тут появиться вообще.

Частное предпринимательство

С точки зрения характера юридических субъектов (т.е. тех, кто распоряжается деятельностью предприятий и несет за это ответственность), предприятия экономики западнизма разделяются на две группы. К первой относятся предприятия, юридические субъекты которых суть индивидуальные лица. Ко второй группе относятся предприятия, юридическими субъектами которых являются организации из многих лиц. Как в том, так и в другом случае юридические субъекты предприятий не являются капиталистами в смысле XIX и первой половины XX веков. В первом случае частные предприниматели организуют дело на основе кредитов, которые они получают от денежного механизма. Доля их собственного капитала в общей сумме капитала ничтожна. Независимый частный собственник, ведущий дело исключительно на свой страх и риск, есть редкое исключение или временное состояние. Мелкие и большая часть средних предпринимателей суть фактически лишь посредники между владельцами капиталов и непосредственными производителями вещей и услуг, а также организаторами процесса труда. История показала, что это самый эффективный способ принуждения к труду, причем к труду самому производителю. Он сочетает в себе видимую свободу и добровольность со скрытой неизбежностью и принуждением.

Во втором случае функции капиталиста выполняет организация из множества лиц, ни одно из которых не является полным собственником предприятия. Все они суть наемные лица. Если они владеют долей капитала предприятия, они тут функционируют не как владельцы капитала, а как члены управляющей группы.

Таким образом, в экономике западнизма частное предпринимательство не связано неразрывно с отношением частной собственности и с персональными собственниками. Тут капиталист либо рассеялся в массе людей, каждый, из которых по отдельности не есть капиталист, либо превратился в организацию наемных лиц, либо стал подчиненным лицом денежного механизма. Так что для уподобления Западу в этом плане в Советском Союзе не требовалась никакая приватизация. Достаточно было бы просто расширить права директоров предприятий. Само собой разумеется, эта мера сама по себе мало что изменила бы, ибо для превращения в общество западного типа нужен сложный комплекс условий, которые были и остаются в России невыполнимыми. Тем не менее, принудительная приватизация не была необходимой. И проводилась она фактически совсем для иной цели, а именно — для создания социальной опоры новой власти в виде класса частных собственников (как надеялись новые правители).

С другой стороны, передача даже всех предприятий страны в частную собственность частным лицам и организациям сама по себе не означала бы создание экономики западнистского типа. Для этого необходимо еще целый ряд условий, например — сделать предприятия рентабельными и конкурентоспособными. А для этого нужно перестроить самую глубинную социальную организацию населения страны.

Клеточки западнизма

Как я уже говорил, коммунизм уходит своими корнями в коммунальный аспект общества, а социальный строй западных стран (западнизм) — в деловой аспект. Это отчетливо проявляется в характере клеточек общества.

Западнистские клеточки разделяются на две группы. Одни из них, как и коммунистические, создаются решениями властей (государственные учреждения, полиция, армия, специальные службы, исследовательские институты и т.п.). Другие клеточки создаются по инициативе частных лиц и организаций. Но и они при этом должны получить на это разрешение властей, официально зарегистрировать характер своего дела. Они возникают и существуют в рамках законов. Точно так же законом должны быть определены их юридические субъекты.

Качественное отличие западнистских клеточек от коммунистических заключается в том, что они суть исключительно деловые объединения людей. Они создаются исключительно для какого-то определенного дела и ни для чего другого. Они могут иметь сложную внутреннюю структуру. Но она диктуется исключительно интересами и условиями дела. Все прочее в клеточках не допускается — никакие неделовые группы, никакие общественные организации, никакие посторонние для дела вмешательства. Короче говоря, западнистские клеточки максимально очищены от всего того, что непосредственно не относится к делу.

Западнистские клеточки социально пусты, максимально упрощены в качестве человеческих объединений. Они суть своего рода деловые машины, а не объединения людей для совместной жизни. В них нет никакого коллектива с его структурой, независимой от дела. Сотрудники их суть социально независимые друг от друга детали этой деловой машины. Люди через западнистские клеточки получают только деньги и возможности для деловой карьеры. Обо всем остальном они должны позаботиться сами. Общество не гарантирует им работу, жилье, медицинское обслуживание, пенсию и прочие жизненные блага.

Внутри западнистских клеточек действует жестокая деловая дисциплина. Деятельность клеточек максимально рационализирована, т.е. исключено все излишнее,

максимально используются силы и способности сотрудников, интенсивность труда предельная. Исключается всякая недобросовестность в деле, халтура, обман. От сотрудников требуется соответствующая обязанностям квалификация.

Чтобы превратить советское общество в общество западного типа, советские реформаторы должны были прежде всего превратить коммунистические клеточки в западнистские. Но это было им заведомо не по силам. И до их пор не по силам. Для этого нужен человеческий материал, которого в России нет и не предвидится, нужен опыт в организации трудового процесса в соответствии с принципами западнизма, а на это нужно историческое время. Нужно лишить людей всех социальных прав, на что власти до сих пор не решаются, страхась открытого массового недовольства. Нужно ликвидировать все нерентабельные предприятия, на что власти точно так же не решаются, страхась массовой безработицы, непривычной для российских людей. Нужно компенсировать социальную опустошенность клеточек какими-то средствами вне их, на что новый режим в принципе не способен. А без преобразования общества на клеточном уровне все прочие преобразования остаются поверхностными и временными.

Рынок

Идеей фикс советских реформаторов стала «рыночная экономика» («рынок»). Они вцепились в нее как в панацею от всех бед, не имея при этом ни малейшего понятия о том, что это такое в реальности. Все их представления о «рынке» были почерпнуты из западной идеологии и пропаганды, создававших идеализированный образ рыночной экономики специально для кретинизма из незападных стран.

Установился определенный идеологический штамп в изображении рынка, который с незначительными вариациями кочует из книги в книгу. Вот, например, что можно вычитать в сочинении одного из крупнейших западных авторитетов нашего века Ф. Хайека о рынке. Предприниматель на свою личную ответственность принимает решение, какие ценности производить, какие услуги предлагать и как именно это делать. Он свободен в своей предпринимательской деятельности. Потребитель свободен относительно своих доходов и выбора ценностей и услуг, предлагаемых предпринимателем. Предприниматель осуществляет свои планы в рамках свободной конкуренции, договоров, инвестиций и цен в соответствии со своими ожиданиями прибыли. Рынок поставляет предпринимателю информацию о спросе и предложении и координирует их. Производители узнают от потребителей, что им производить и за какие цены продавать. Производители не зависят друг от друга. Они стремятся делать вещи и выполнять услуги как можно лучше и продавать как можно дешевле, дабы привлечь потребителей. По выражению А. Смита, рыночные операции протекают так, как будто ими манипулирует «Невидимая рука». Последняя есть сам рыночный механизм, а не государство. Задача государства — обеспечить рынку возможность выполнять его функции, не мешать ему работать, защищать от постороннего вмешательства.

Читая подобный вздор, мне невольно приходит на ум советский анекдот. Воспитательница в детском саду рассказывала детям о том, каким прекрасным является советское общество. Один ребенок заплакал. Воспитательница спросила, почему он заплакал. Ребенок ответил, что хочет в Советский Союз. Хотел бы я знать, что испытывают реальные производители и потребители западного общества, читая приведенное выше описание рынка?! И не думают ли они с тоской о том, как было бы хорошо пожить при таком капитализме с таким рынком, управляемым безликой «Невидимой рукой»?!

Надо различать идеологический образ рыночной экономики и ее реальность. Идеологический образ создается так. Из сложной среды реальной экономической жизни общества абстрагируются ее отдельные черты. Они идеализируются и объединяются в некоторое целое. Затем дело представляется так, будто эти черты

исчерпывают всю экономическую систему или по крайней мере являются главными в ней. Делается это для одурачивания простаков из незападных стран с целью внушить им, будто достаточно ликвидировать их «отсталую» экономическую систему и ввести на ее место «передовую» рыночную экономику в том виде, как ее изображает идеология и пропаганда, как в стране начнется экономическое процветание.

Реальная рыночная экономика западных стран — это сложнейшее переплетение всевозможных средств организации грандиозного процесса и всевозможных способов управления им. Только наивные люди могут верить, будто эта важнейшая сфера жизни западного общества пущена на самотек, предоставлена самой себе и какой-то мифической «Невидимой руке». Я думаю, что если бы можно было измерить всю ту интеллектуальную, волевою, расчетную, планирующую и командную работу, которая делается в сфере рыночной экономики Запада, и сравнить ее с соответствующей работой коммунистической командно-плановой системы, то мы были бы потрясены ужасом второй в сравнении с первой.

Высокая экономическая эффективность западного общества достигается за счет действия множества факторов, среди которых в первую очередь следует назвать трудовую диктатуру, плановость работы предприятий, денежный тоталитаризм, диктатуру банков, государственную политику и контроль, научно-технический прогресс, наднациональную и глобальную экономику, использование рабочей силы и природных ресурсов всей планеты. И лишь где-то, совсем не на первом месте, следует назвать некий свободный рынок с некоей свободной конкуренцией.

Советские проповедники рыночной экономики ссылались на «немецкое чудо» как на пример эффективности рынка. На самом деле это «чудо» произошло благодаря социальной рыночной экономике, т.е. экономике, контролируемой и регулируемой государством. Лишь после провала экономических реформ советские «рыночники» начали с удивлением «открывать» для себя наличие в западном рынке планов и командных методов, считавшихся дефектами коммунистической экономики.

Уже в 1991 г., т.е. через пять лет после начала перестройки, одним из элементов которой был переход от плановой и командной коммунистической экономики к рыночной экономике западного образца, один из главных идеологов этого перехода академик С. Шаталин, грозившийся осуществить этот переход в течение 500 дней, вдруг признал, что он и прочие теоретики перестройки ничего не понимают в рынке, что страны с развитой рыночной экономикой имеют систему централизованного планирования, управления и регулирования экономики на порядок выше, чем это было в Советском Союзе. И эти-то титулованные специалисты с остервенением ринулись ломать нормально (для своих условий) работавшую экономическую систему в угоду навязанной с Запада идеологической лжи!

Сверхэкономика

Ко всему прочему необходимо принимать во внимание такой важнейший фактор современности, как образование мирового рынка. А это не просто расширение сферы экономической активности и установление определенных отношений между некими равноправными партнерами, а образование наднациональных и глобальных экономических империй, можно сказать — образование сверхэкономики. Эти империи приобрели такую силу, что теперь от них решающим образом зависит судьба экономики национальных государств Запада, не говоря уж о прочем мире. Сверхэкономика властвует над экономикой в ее традиционном смысле — над экономикой первого уровня. Тут все большую роль начинают играть средства внешнеэкономические, а именно — политическое давление и вооруженные силы стран Запада.

В этих условиях превращение российской экономики в рыночную в желаемом для Запада виде означает превращение ее в придаток сверхэкономики, причем на роль, какую ей укажут фактические хозяева мирового общества.

Западная демократия

Когда советские реформаторы разрушали советскую систему государственности с намерением на ее место ввести западного образца демократию, они судили о последней не по тому, что она из себя представляет на самом деле, а по тому идеализированному изображению, какое создавала для них западная идеология. Идеологический образ демократии создавался теми же методами, что и образ рыночной экономики. Из реальной системы власти и управления (системы государственности) западного общества абстрагировались такие ее черты, как многопартийность, разделение властей, выборность органов власти и сменяемость их и т.д. Эту сумму признаков, обработав их методами идеологии, назвали демократией и объявили их сущностью всей системы государственности. И способ использования этой идеологической фальсификации реальности тот же: внушить незападным дуракам мысль, будто стоит на месте их плохой государственности ввести эту замечательную «демократию», как в стране начнется райская жизнь.

На самом деле демократия не исчерпывает систему государственности западнизма. Более того, она уже не является тут главным элементом. Она на виду, производит много шума, всячески рекламируется и набивает себе цену. Но она — лишь поверхность реальной власти.

Есть универсальные законы, имеющие силу для любой системы государственности как в коммунистическом, так и в западном обществе. Возьмем, например, масштабы государственности. Эта сфера в западных странах огромна по числу занятых в ней людей, по затратам на нее и по ее роли в обществе. Одно только федеральное правительство США в 1990 г. нанимало более 3 миллионов человек. В 1987 г. в США на всех уровнях государственности число только гражданских наемных лиц достигало 17,3 миллиона человек, т.е. 15,4% всех наемных работников. Причем эта сфера имеет тенденцию к разрастанию. Это обусловлено не только усложнением управляемого общества (стремительным ростом числа «точек» управления), но и независимо от потребностей управления, в силу законов автономного самовозрастания. Происходит также увеличение объема функций государства. Сейчас на Западе нет такой сферы общественной жизни, в которой так или иначе не участвовало бы государство. И невозможно назвать такой дефект коммунистической государственности, каким не обладала бы западная государственность в удвоенной степени. Так что надежды советских людей, будто реформаторы могли избавить их от этой напасти, были априори беспочвенны. Разрушив советский аппарат власти и управления, реформаторы в России, убедившись в полной неспособности без него управлять страной, буквально с истеричной и панической поспешностью стремятся изобрести для него хоть какой-то эрзац. Но сделать это не так-то просто. Аппарат власти и управления создается десятилетиями кропотливой работы, а не потоком распоряжений обезумевших дилетантов, волею случая дорвавшихся до высшей власти.

Да и сами признаки демократии при ближайшем рассмотрении выглядят совсем не так, как в идеологическом изображении. Возьмем, для примера, принцип разделения властей. По мнению многих авторитетных западных теоретиков, классическая теория разделения власти фактически не воплотилась в жизнь. В правительствах многих западных стран доминирует одна часть, обычно законодательная. При этом остается разделение функций между различными учреждениями власти как чисто деловое удобство. В Великобритании законодательная и исполнительная власть сосредоточены в одном органе — в кабинете. Если партия выигрывает большинство голосов на выборах, парламент назначает ее лидера премьер-министром, а тот назначает министров — кабинет. Главная фигура во власти — премьер-министр. Кабинет — его кабинет. Исполнительная власть здесь есть придаток законодательной, а законодательная — продолжение исполнительной. Законодательная инициатива исходит от исполнительной власти.

Современные законодательные органы занимаются не столько разработкой общего законодательного кодекса, сколько решениями, направляющими конкретные действия исполнительной власти. Исчезла разница между законодательством и текущими распоряжениями властей. Главной задачей представительной власти стало не законодательство, а управление. Все то, что теперь штампует законодательный орган, стали называть законом. Правительство получило возможность издавать для самого себя удобные ему законы. Правительство вышло из-под контроля закона. Правление стало главной задачей законодательного органа, а законодательство — его побочной функцией.

В сфере западной государственности, как и в сфере экономики, можно различить два уровня — уровень государственности в обычном смысле, на котором фигурирует демократия, и уровень сверхгосударственности. Структура второго плохо изучена, вернее говоря — познание ее есть одно из важнейших табу западного общества. Официально считается, будто ничего подобного тут вообще нет. Однако в средствах массовой информации время от времени проскакивают материалы, которые убедительно говорят о наличии и реальной мощи ее.

Система сверхгосударственности

Сверхгосударственная система власти и управления западнизма формируется и воспроизводится по многим линиям. Назову основные (на мой взгляд) из них. Система государственности состоит из огромного числа людей, учреждений, организаций. Она сама нуждается в управлении, можно сказать — в своей внутренней власти. Последняя не конституируется формально, т.е. как официально признанный орган государственной власти. Она складывается из людей самого различного рода — представителей администрации, сотрудников личных канцелярий, сотрудников секретных служб, родственников представителей высшей власти, советников и т.п. К ним примыкает и частично входит в их число околоправительственное множество людей, состоящее из представителей частных интересов, лоббистов, мафиозных групп, личных друзей и т.п. Это — «кухня власти».

Вторую линию образует совокупность секретных учреждений официальной власти и вообще всех тех, кто организует и осуществляет скрытый аспект деятельности государственной власти. Каковы масштабы этого аспекта и какими средствами он оперирует, невозможно узнать. Публичная власть не делает важных шагов без его ведома.

Третья линия — образование всякого рода объединений из множества активных личностей занимающих высокое положение на иерархической лестнице социальных позиций. По своему положению, по подлежащим их контролю ресурсам, по их статусу, по богатству, по известности, по популярности и т.п. эти личности являются наиболее влиятельными в обществе. В их число входят ведущие бизнесмены, банкиры, крупные землевладельцы, хозяева газет, издатели, профсоюзные лидеры, кинопродюсеры, хозяева спортивных команд, знаменитые актеры, священники, адвокаты, университетские профессора, ученые, инженеры, хозяева и менеджеры масс-медиа, высокопоставленные чиновники, политики и т.д. Эта среда получила название правящей элиты.

И четвертая основная линия образования сверхгосударственности — создание бесчисленных учреждений и организаций блоков и союзов западных стран, а также системы средств образования глобального общества и управления им.

Система сверхгосударственности не содержит в себе ни крупицы демократической власти. Тут нет никаких политических партий, нет никакого разделения властей, публичность сведена к минимуму или исключена совсем, преобладает принцип секретности, кастовости, личных сговоров. Коммунистическая государственность уже теперь выглядит в сравнении с ней как дилетантизм. Тут вырабатывается особая «культура управления», которая со временем обещает стать самой деспотичной

властью в истории человечества. Я это говорю не в порядке разоблачения или упрека — упаси меня Боже от этого! Просто по объективным законам управления огромными человеческими объединениями и даже всем человечеством, на что претендует Запад, демократия в том виде, как ее изображает западная идеология и пропаганда, абсолютно непригодна. Об этом открыто говорят теперь многие западные теоретики.

Сам факт образования горбачевской и затем ельцинской команды и вся их деятельность могут служить классическим примером мощи и принципов работы системы сверхгосударственности западнизма. Они появились не в результате некоего имманентного развития советского общества, по объективным законам этого общества, а в результате планомерной и целенаправленной деятельности системы сверхгосударственности Запада и завоеванном в «холодной войне» регионе планеты

Уникальность запада

Запад есть вполне конкретное социобиологическое образование. Японцы, корейцы, китайцы, поляки, чехи, русские и представители других народов могут стать и становятся частичками тела Запада не в качестве граждан своих стран, тяготеющих к западным образцам, но лишь покинув их и внедрившись в страны Запада. Да и то это не так-то просто. Десятки миллионов иностранцев живут в странах Запада, оставаясь тут все равно чужеродным явлением.

Запад есть явление уникальное, т.е. единственное в своем роде и неповторимое в истории человечества. Почему я это утверждаю с такой категоричностью? Во-первых, наша планета не так велика, Запад уже существует, он занимает свое место на планете, в обозримом будущем он способен это место удержать за собой и не допустить другой «Запад» рядом с собой. Во-вторых, само стечение обстоятельств, благодаря которым Запад сложился исторически, является уникальным и неповторимым. Конечно, рассуждая абстрактно-математически, можно «доказать» возможность другого точно такого же стечения условий где-то во Вселенной. Но такого рода «доказательства» основываются на целой серии логических ошибок, анализ которых здесь был бы неуместным. К тому же это никак не влияет на интересующие нас здесь события.

Когда народы стран Восточной Европы и Советского Союза вознамерились уподобиться Западу, они полностью игнорировали то обстоятельство, что это уподобление не может стать превращением их в части Запада или в западные страны по двум основным причинам. Первая причина — навязывание этим народам и странам отдельных свойств Запада (демократия, рынок, приватизация и т.п.) не есть превращение их в части Запада, ибо Запад вообще не сводится к этим свойствам. Запад есть огромный и многосторонний социальный феномен, сложившийся по бесчисленным каналам в течение многих столетий. Во всяком случае, у России не больше шансов стать Западом, чем у мухи стать слоном на том основании, что и у нее есть хобот. Вторая причина — место и роль Запада уже заняты, и самое большее, на что уподобляющиеся Западу народы могут рассчитывать, это оказаться в сфере власти, влияния и колонизации Запада, причем на тех ролях, какие им позволит сам единственный и неповторимый Запад.

Как бы русские ни оплеывали коммунистический период своей истории, как бы ни усердствовали в разрушении того, что было достигнуто за этот период, как бы ни ползали на коленках и ни холуйствовали перед Западом, как бы ни подражали всему западному и как бы ни перенимали все пороки Запада, Россия все равно не станет частью Запада. Какая судьба ее ожидает на этом пути, об этом в свое время откровенно сказал Гитлер. И показал на деле. Сейчас, разумеется, об этом не говорят вслух. Но фактически делают то же самое, причем с гораздо большим успехом, чем Гитлер.

Человеческий фактор

Запад создавался, поддерживался, охранялся и завоевывал себе место на планете не просто человеческими существами, но людьми определенного типа. Буду называть их западоидами. Ни с каким другим человеческим материалом Запад был бы невозможен. Никакой другой человеческий материал не в состоянии воспроизвести Запад и сохранить его на том уровне, какого он достиг, не говоря уже о дальнейшем прогрессе. Западоид не есть некий типичный, средний или часто встречающийся человек. Это — суммарная характеристика человеческого материала Запада как множества и как массы людей. Качества западоида растворены в этой массе, распределены в самых различных пропорциях, комбинациях и величинах между множеством индивидов. Так что можно говорить о «растворе» западоидности. Но этот «раствор» тут настолько силен, что массу западных людей в интересах научного упрощения можно рассматривать как множество типичных западоидов.

Назову некоторые характерные черты западоидов или, иначе говоря, западоидности. Это суть практицизм, деловитость, расчетливость, способность к конкуренции, изобретательность, способность рисковать, холодность, эмоциональная черствость, склонность к индивидуализму, повышенное чувство собственного достоинства, стремление к независимости и к успеху в деле, склонность к публичности и театральности, чувство превосходства над другими народами, склонность управлять другими, более сильная, чем у других народов, способность к самодисциплине и самоорганизации.

Страны Западной Европы оказались в состоянии породить достаточно много людей с качествами, которые я упомянул выше, и именно люди такого типа создали западное общество или по крайней мере послужили активным ядром в его образовании.

Не может служить аргументом против сказанного пример США. В США действительно стекались народы со всего мира. Но американскую цивилизацию создали не они, а определенного рода выходцы из Западной Европы. Они образовали инициативное ядро и движущую силу процесса. Остальные принимали участие в процессе как используемые и увлекаемые ими. После того, как главное дело процесса было сделано, т.е. цивилизация возникла и приобрела инерцию развития в определенном направлении, массы людей другого типа включились в нес. Но новаторами в этом историческом творчестве были западоиды.

Любой народ способен воспользоваться благами западной цивилизации, если их преподнесут ему и качестве дара. Но далеко не любой народ способен сам создавать цивилизацию такого рода или хотя бы стать соучастником ее создания и воспроизводства. Убеждение, будто различные социальные системы суть ступени в развитии одного и того же абстрактного «человечества» и будто любой народ может эти ступени пройти в своей эволюции, ложно фактически и с научной точки зрения. Это есть догма идеологии. Западную цивилизацию, повторяю, создавали народы с определенным характером. Это их уникальное и неповторимое творение. Другие народы создавали цивилизации иного типа, соответствовавшие их характеру и историческим условиям их бытия.

Запад и внешний мир

Западные страны сформировались исторически в «национальные государства» как социальные образования более высокого сравнительно с прочим человечеством уровня организации, как своего рода «надстройка» над прочим человечеством. Они развили в себе силы и способности доминировать над другими народами, покорять их. А историческое стечение обстоятельств дало им возможность использовать свои преимущества. Я не усматриваю в этом ничего аморального и преступного. Критерии морали и права вообще лишены смысла в применении к историческим процессам.

Стремление западных стран к овладению окружающим миром не есть всего лишь злой умысел каких-то кругов этих стран. Оно обусловлено законами социального бытия. Воздействие его на эволюцию человечества противоречиво. Оно было могучим источником прогресса. И оно же было не менее могучим источником несчастий. Оно было причиной бесчисленных кровопролитных войн, включая две мировые «горячие» войны и одну мировую «холодную». Оно не только не исчезло со временем, но усилилось. Оно лишь приняло новые формы. Более того, овладение другими странами и народами стало необходимым условием выживания стран и народов Запада. Трагедия большой истории состоит не в том, что какие-то плохие, корыстные и глупые люди толкают человечество в нежелательном направлении, а в том, что человечество вынуждается двигаться в этом направлении вопреки воле и желаниям хороших, бескорыстных и умных людей.

Запад развил в себе благодаря западнизму необычайно интенсивный обмен веществ. Ему нужны природные ресурсы, рынки сбыта, сферы приложения капиталов, дешевая рабочая сила, источники энергии и т.д., причем во всевозрастающей степени. А возможности для этого ограничены. И конкуренты появляются, ограничивающие эти возможности еще более и вообще угрожающие существованию и благополучию Запада. Движение Запада к мировому господству, в какие бы идеологические одежды оно ни рядилось, есть жизненная необходимость для западных стран сохранить достигнутое положение и выжить в угрожающе сложных исторических условиях. Всем ходом исторического развития Запад вынуждается на то, чтобы установить мировой порядок, отвечающий его интересам. И он имеет силы для этого. В ходе «холодной войны» Запад выработал политическую стратегию установления нового мирового порядка, адекватную новым условиям в мире. Я называю ее западнизацией (вестернизацией).

Западнизация

Западнизация есть стремление Запада сделать другие страны подобными себе по социальному строю, экономике, политической системе, идеологии, психологии и культуре. Идеологически это изображается как гуманная, бескорыстная и освободительная миссия Запада, являющего собою вершину развития цивилизации и средоточие всех мыслимых добродетелей. Мы свободны, богаты и счастливы, — внушает Запад западнизируемым народам, — и хотим помочь вам стать тоже свободными, богатыми и счастливыми. Но реальная сущность западнизации не имеет с этим ничего общего.

Цель западнизации — включить другие страны в сферу влияния, власти и эксплуатации Запада. Включить не в роли равномогущих и равноправных партнеров — это просто невозможно в силу неравенства фактических сил, — а в роли, какую Запад сочтет нужным ему самому. Эта роль может удовлетворить какую-то часть граждан западнизируемых стран, да и то на короткое время. Но в общем и целом эта роль второстепенная и подсобная. Запад обладает достаточной мощью, чтобы не допустить появления независимых от него западнообразных стран, угрожающих его господству в отвоёванной им для себя части планеты, а в перспективе — на всей планете.

Западнизация некоторой данной страны не есть просто влияние Запада на эту страну, не просто заимствование отдельных явлений западного образа жизни, не просто использование произведенных на Западе ценностей, не просто поездки на Запад и т.п., а нечто гораздо более глубокое и важное для этой страны. Это перестройка самих основ жизни страны, ее социальной организации, системы управления, идеологии, менталитета населения. Эти преобразования делаются не как самоцель, а как средство добиться цели, о которой говорилось выше.

Западнизация не исключает добровольность со стороны западнизируемой страны и даже желание пойти этим путем. Запад именно к этому и стремится, чтобы

намеченная жертва сама полезла ему в пасть, да еще при этом испытывала бы благодарность. Для этого и существует мощная система соблазнения и идеологической обработки масс. Но при всех обстоятельствах западнизация есть активная операция со стороны Запада, не исключаящая и насилие. Добровольность со стороны западнизирваемой страны еще не означает, что все население ее единодушно принимает этот путь своей эволюции. Внутри страны происходит борьба между различными категориями граждан «за» и «против» западнизации. Последняя не всегда удается, как это случилось, например, в Иране и Вьетнаме.

Вся освободительная и цивилизаторская деятельность Запада в прошлом имела одну цель: завоевание планеты для себя, а не для других, приспособление планеты для своих, а не для чужих интересов. Он преобразовывал свое окружение так, чтобы самим западным странам было удобнее в нем жить. Когда им мешали в этом, они не гнушались никакими средствами. Их исторический путь в мире был путем насилия, обмана и расправ. Теперь изменились условия в мире. Иным стал Запад. Изменились его стратегия и тактика. Но суть дела осталась та же. Она и не может быть иной, ибо она есть закон природы. Теперь Запад пропагандирует мирное решение проблем, поскольку военное решение опасно для него самого, а мирные методы создают ему репутацию некоего высшего и справедливого судьи. Но эти мирные методы обладают одной особенностью: они принудительно мирные. Запад обладает огромной экономической, пропагандистской и политической мощностью, вполне достаточной для того чтобы заставить строптивых мирным путем сделать то, что нужно Западу. Как показывает опыт, мирные средства при этом могут быть дополнены военными. Так что как бы западнизация той или иной страны ни началась, она перерастает в западнизацию принудительную.

Была разработана также и тактика западнизации. В нее вошли меры такого рода. Дискредитировать все основные атрибуты общественного устройства страны, которую предстоит западнить. Дестабилизировать ее. Способствовать кризису экономики, государственного аппарата и идеологии. Раскалывать население страны на враждующие группы, атомизировать его, поддерживать любые оппозиционные движения, подкупать интеллектуальную элиту и привилегированные слои. Одновременно вести пропаганду достоинств западного образа жизни. Возбуждать у населения западнизирваемой страны зависть к западному изобилию. Создавать иллюзию, будто это изобилие достижимо и для него в кратчайшие сроки, если его страна встанет на путь преобразований по западным образцам. Заражать его пороками западного общества, изображая пороки как проявление подлинной свободы личности. Оказывать экономическую помощь западнизирваемой стране лишь в той мере, в какой это способствует разрушению ее экономики и делает ее зависимой от Запада, а Западу создает репутацию бескорыстного спасителя западнизирваемой страны от зол ее прежнего образа жизни.

Окончание следует